

Очнувшись, Е Цзэи первым делом увидел смутный, расплывчатый свет. Взору открылись стеновые панели из чёрного ореха и белые тюлевые шторы, спускавшиеся к самому полу у панорамного окна. Спальня дышала сдержанной, зрелой роскошью.

Эта обстановка настолько сбивала с толку, что границы между прошлым и настоящим размылись. Не будь на стене календаря, на который он взглянул несколько раз, Цзэи подумал бы, что перерождение ему попросту приснилось.

Комната была слишком хорошо ему знакома — спальня Шао Вэньчжуо.

Сонливость мгновенно слетела, и он резко сел на кровати.

В левую вену была вставлена капельница — чуть выше висели три небольших пакета с питательным раствором, а правая кисть, повреждённая ударом стальной линейки, оказалась аккуратно забинтована.

В этот момент у двери раздался тихий щелчок. Замок поддался, и Е Цзэи настороженно обернулся.

Из коридора дохнул лёгкий сквозняк. Переступивший порог мужчина был высок и статен; тёмно-шёлковый домашний халат сидел на нём свободно, едва перехваченный поясом на талии, однако от всей его фигуры веяло опасной, бритвенно-острой силой.

Он устремил на Цзэи тяжёлый, пристальный взгляд. В глубоких и тёмных, как бездна, глазах не отражалось ни искры. Свет лампы выхватывал бледную, почти фарфоровую кожу на шее и запястьях, и даже тени, скрывавшие половину лица, не могли сгладить резких, сильных и безупречных черт.

Е Цзэи замер, на мгновение потеряв связь с реальностью.

Перед ним стоял Шао Вэньчжуо.

Память подкинула нужный фрагмент: сегодня канун Нового года по лунному календарю. День, когда Вэньчжуо только-только вернулся в страну.

Сейчас Шао Вэньчжуо всего двадцать пять. Именно этой снежной ночью он подобрал Цзэи на дороге и привёз в родовое поместье.

В этом же году они заключат брак. А затем Вэньчжуо за считанные годы жёсткой рукой наведёт порядок в семейных делах, пересмотрит старые архивы и превратится в неоспоримого главу клана Шао — человека, чьё имя заставит трепетать весь деловой мир.

Проницательный, беспощадный, наделённый властной аурой, он оставался неразгаданной загадкой для всех без исключения. И Е Цзэи не был исключением.

Три года супружества прошли по ним белым шумом: ни единого проявления тепла, ни искры близости. Все эти годы Цзэи существовал рядом с ним на правах бесплотного духа.

Ему казалось, что смерть принесла освобождение, но судьба совершила виток — и свела их снова.

— Очнулся?

Шао Вэньчжуо подошёл ближе. Тяжёлый взгляд скользнул по лицу Цзэи, но вспыхнувшие в глубине зениц эмоции тут же угасли.

— Ты слишком слаб, — произнёс он низким, бархатистым голосом, ставя стакан с водой на ночной столик. — Я велел врачу поставить питательный раствор. Попей.

Спустя три года — или три года назад — его облик ничуть не изменился: всё то же холодное, отстранённое выражение лица.

Е Цзэи не мог разобраться в захлестнувшем его коме чувств. Отведя взгляд, он взялся за стакан:

— Спасибо. Извини за беспокойство в столь поздний час.

— Пустяки.

Правая кисть была туго забинтована. На морозе рана не напоминала о себе, но стоит телу согреться, как руку обожгло острой, пульсирующей болью. Пришлось вернуть стакан на место.

Шао Вэньчжуо проследил за его движением:

— Откуда рана?

— Неуклюжесть, — равнодушно отозвался Цзэи. — Случайно ушибся.

Вэньчжуо слегка нахмурился. В его глазах мелькнула с трудом подавленная суровость, но тут же сменилась чем-то иным, нечитаемым. В тёмных зрачках заиграли блики света, а голос неожиданно смягчился:

— Сильно болит?

Цзэи потребовалась пара секунд, чтобы справиться с минутным замешательством.

— Нет, — коротко бросил он.

Шао Вэньчжуо долго всматривался в него, а затем опустил взгляд и тихо произнёс:

— А-Цзэ.

Е Цзэи вздрогнул.

— Ты ничего не ел два дня. Я велел приготовить кашу, — Вэньчжуо нажал кнопку интеркома на изголовье, отдавая распоряжение слугам, а затем снова повернулся к нему: — Ты истощён. Оставайся сегодня здесь.

От поведения Вэньчжуо веяло странной, неестественной фальшью, будто хищник с трудом прятал когти, утаивая истинные мотивы за непроницаемым взглядом. Сжав и тут же разжав забинтованную ладонь, Цзэи спросил:

— Зачем ты мне помогаешь?

Шао Вэньчжуо помедлил, включатель ночника мягко щёлкнул под его пальцами.

— Проезжал мимо, увидел, что ты упал без чувств у дороги, и привёз к себе. Мы знакомы с юности, так что не стоит благодарностей.

«Знакомы с юности...» — Цзэи мысленно усмехнулся, почувствовав горечь.

Хотя в прошлой жизни их брак устроил Шао Хункан, второй дядя Вэньчжуо, знали они друг друга действительно с давних пор.

Их первая встреча произошла, когда Цзэи исполнилось пятнадцать, а Вэньчжуо — семнадцать.

Тогда семья Е устраивала банкет. Не любя подобный шум, Цзэи остался в своей мезонинной комнатке.

Тот уединённый уголок с резными деревянными галереями и белым тюлем на окнах казался отдельным миром. Цзэи тогда дремал, устроившись в кресле.

На нём была просторная белая хлопковая рубаша, скрывавшая хрупкую фигуру. Повернувшись лицом к окну, он спал, чистый и беззащитный, точно жемчужина в утренней росе, а его лицо прикрывал лёгкий платок с вышитым именем: «А-Цзэ».

Почувствовав чужое присутствие, Цзэи с острой настороженностью взвился и уставился на окно.

На подоконнике, опираясь на раму, сидел юноша. В его глазах блеснула смешинка:

— Тебя зовут А-Цзэ?

Цзэи сдёрнул с лица платок и выпрямился.

— Я пришёл на приём и случайно заблудился, — с лёгкой улыбкой пояснил гость. — Эта пагода выглядит строгой, но ажурные решётки удивительно изящны. Я подумал, что здесь живёт кто-то необычный, и не сдержался — заглянул. Прости, что разбудил.

Тот платок вышила мать Цзэи, и лишь она одна звала его А-Цзэ.

Слуги и чужаки обращались к нему «молодой господин», близкие — «Сяо Цзэ», и только Шао Вэньчжуо с той самой первой встречи неизменно называл его А-Цзэ.

Возвращаясь к реальности, Е Цзэи чуть искривил губы:

— Не виделись два года, а господин Шао, оказывается, так сентиментален. Только вот сегодня канун Нового года, время семейных встреч. Мы друг другу чужие люди, так с какой стати мне оставаться у тебя?

Вэньчжуо нахмурился, словно взвешивая его слова, и на мгновение умолк.

Цзэи собрался подняться:

— Как-нибудь при случае я отблагодарю тебя за помощь.

Отношения с человеком масштаба Шао Вэньчжуо были непозволительной роскошью, которой ему не хотелось. Прошлая жизнь осталась лишь страшным сном, от которого пора окончательно очнуться.

Но бледная, сильная ладонь Вэньчжуо внезапно прижала край одеяла. Глаза Шао Вэньчжуо обдало ледяным холодом:

— Время за полночь. Куда ты пойдёшь?

Эта властная вспышка заставила Цзэи на секунду опешить. Слегка прищурившись, он ответил вопросом на вопрос:

— У меня есть своя квартира, естественно, я поеду к себе. А вот чего добивается господин Шао — мне совершенно непонятно.

Они замерли, глядя друг другу в глаза. Взгляд Вэньчжуо оставался мрачным, затянутым непроницаемой пеленой. Сколько бы жизней Цзэи ни прожил, разгадать замыслы этого человека ему было не под силу.

Раздался короткий стук, и Вэньчжуо наконец отвёл взгляд.

В комнату с подносом в руках вошёл ассистент Янь Ли:

— Директор Шао, каша для молодого господина Е готова.

Янь Ли, мужчина лет тридцати с небольшим, выглядел подтянуто и собранно, а очки в тонкой металлической оправе придавали ему вид хваткого, делового человека.

На самом деле он таковым и являлся. В прошлой жизни Янь Ли хранил верность клану Шао, уберёг Вэньчжуо от десятков ловушек и всегда относился к Е Цзэи с неизменным уважением — он остался одним из немногих людей, к кому Цзэи до сих пор испытывал признательность.

Забрав пиалу, Вэньчжуо присел на край кровати и стал неторопливо помешивать кашу, будто предшествующей стычки вовсе не было:

— Раз уж ты не возвращаешься в дом семьи Е, то всё равно останешься один. Что Новый год, что Праздник середины осени — какая разница, где и с кем встречать?

Когда фарфоровая ложка оказалась у самых губ, Цзэи отвернулся:

— Я сам.

— У тебя повреждена рука, — Вэньчжуо мягко, но непреклонно отвёл его ладонь.

Янь Ли неподвижно застыл у дверей, и в его позе читалась полная готовность простоять так до самого утра. Цзэи ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

Прохладный фарфор касался губ раз за разом.

Длинные бледные пальцы Вэньчжуо, сжимавшие ложку, с каждым движением заставляли Цзэи задерживать дыхание. Пристальный взгляд Шао Вэньчжуо скользил по его губам, отчего неловкость становилась почти невыносимой.

В прошлой жизни Шао Вэньчжуо ни за что бы не опустился до подобной заботы. Цзэи тщетно пытался понять, где именно история сошла с привычных рельсов.

Впрочем, если уж его собственное изувеченное тело снова стало здоровым и молодым, искать логику не имело смысла. Ему хотелось лишь одного — поскорее закончить эту сцену и уйти.

Когда пиала опустела, мрачность в глазах Вэньчжуо заметно разгладилась:

— А теперь, А-Цзэ, пойдём посмотришь со мной на салют.

Янь Ли бесшумно забрал посуду и удалился.

Игнорируя приглашение, Е Цзэи резким движением вырвал катетер из вены и насмешливо выгнул бровь:

— Господин Шао шутит. Желающих составить вам компанию — хоть пруд пруди. Я же человек бесполезный, выгоды от меня никакой, к чему тратить время?

Из прокола на тыльной стороне ладони вытекла капля крови. Лицо Вэньчжуо мгновенно потемнело; сжав запястье Цзэи, он ударил по клавише вызова:

— Врача сюда. Живо.

Личный медик явился мгновенно, быстро дезинфицировал ранку и приклеил пластырь.

Подобный выпад не нёс реальной угрозы здоровью, однако мало кто пойдёт на такую крайность без отчаянной причины. Доктор не смел расспрашивать о происходящем и, окончив перевязку, поспешил испариться.

Цзэи с детства отличался тяжёлым, замкнутым нравом. Он напоминал клинок, спрятанный в мягком шёлке: за ленивой, бесстрастной оболочкой таилось опасное, колючее остриё.

Не ожидая столь открытого отторжения, Шао Вэньчжуо медленно разжал пальцы и больше не пытался удержать его на кровати. Отойдя к дивану, Вэньчжуо сменил тактику:

— А-Цзэ прав. Я действительно ищу выгоду. Я изучил вопрос. Твою фирму разворовали изнутри, она на грани банкротства и поглощения. Это наследство твоей матери, и я знаю, что ты не хочешь отдавать её корпорации «Дако». Я могу помочь.

Цзэи фыркнул:

— Помочь крошечному предприятию? Разве кто-то поверит, что глава клана Шао всерьёз предлагает мне сотрудничество?

— У меня свои интересы, я бизнесмен и не совершаю убыточных сделок, — Вэньчжуо смотрел на него не мигая. — Если А-Цзэ не против, мы можем обсудить детали за просмотром салюта.

Е Цзэи молчал. Игнорируя стоявшие у кровати домашние туфли, он спустил босые ноги на деревянный пол и зачесал назад спутавшиеся волосы:

— Где здесь ванная?

Расположение комнат было известно ему до последнего сантиметра, однако теперь приходилось ждать официального разрешения.

Плеснув в лицо ледяной водой, Цзэи опёрся о раковину и пристально взгляделся в своё отражение. Ему снова было двадцать три года.

Заострившиеся черты, болезненная бледность, отросшие пряди заправлены за уши... Да, сейчас он выглядел заметно моложе себя тридцатилетнего.

И дело было не только во внешности — его методы тогда тоже отличались юношеской наивностью. Он презирал ярмарку тщеславия и не желал участвовать в грызне за власть, но дерево мечтает о покое, а ветер не утихает: само его существование было костью в горле у многих.

В той, прошлой реальности его подставили, разорили фирму, уничтожили его карьеру инженера-конструктора и превратили в немощного, никому не нужного инвалида. А главное — из-за него погибли единственные близкие люди, относившиеся к нему с искренней теплотой: тётя и двоюродный брат.

Повторить тот же путь снова? Бессмысленно и глупо.

Если отбросить личные обиды, Шао Вэньчжуо с его железной хваткой и бескомпромиссностью представлял собой идеального союзника.

Шао Вэньчжуо восседал на глубоком диване; холодные лучи люстры очерчивали его строгий силуэт. Он не сводил взгляда с закрытой двери, и лишь когда щёлкнул замок, чуть прищурился.

Е Цзэи вышел наружу. С влажных кончиков волос капала вода, а бледные ступни на тёмно-

коричневом паркете казались почти фарфоровыми. Сняв с вешалки куртку, Цзэи тонко улыбнулся:

— Раз уж господин Шао приложил столько усилий, мне не следует отвергать его радушие.

Вэньчжуо поднялся, и в его глазах проскользнула едва заметная тень удовлетворения:

— Новогодняя ночь бывает лишь раз в году, так что это небольшая плата. Пусть салют станет знамением нашей встречи после долгой разлуки. Надеюсь, тебе понравится.

В прошлом они действительно не виделись два года до этого дня. Для Цзэи же эта разлука уложилась в один миг — короткий мгновенный сон между смертью и перерождением.

Но переродиться — значит встретиться вновь. В каком-то смысле Вэньчжуо был прав.

Проследив за тем, как Цзэи спускается по лестнице, Шао Вэньчжуо обратился к застывшему неподалёку ассистенту:

— Приготовь соседнюю спальню.

— Слушаюсь.

Сделав пару шагов, Вэньчжуо добавил:

— И ещё. Застелите весь деревянный пол на этом этаже коврами.

Янь Ли на мгновение оторопел. Шеф упоминал, что молодой господин Е плохо переносит холод, но устраивать перестановку ради одной ночи?.. Не слишком ли это? Однако спорить он не посмел:

— Включая вашу комнату?

— Да. Сделайте немедленно.

— Будет исполнено.

Особняк Шао Вэньчжуо располагался в самом сердце города Н, на Озёрном острове. Окружённый озёрной гладью и парковыми массивами, этот остров тишины возвышался прямо

напротив кипящих жизнью деловых кварталов.

Над центром озера с оглушительным гулом рассыпался гигантский огненный каскад.

От заднего двора усадьбы к самой середине водоёма тянулся арочный мост. Яркие вспышки отражались в воде, сливая ночное небо и озёрную гладь в единый сноп света. Е Цзэ сидел на каменной скамье посередине моста, подставив лицо снопам искр.

— Только вернулись в страну, а уже устроили такое шоу. У господина Шао изысканный вкус. Полагаю, вашим людям пришлось немало потрудиться.

Вэньчжуо опирался на перила. Взгляд, которым он одарил Цзэи, наполнился тёмной, всепоглощающей страстью.

— Человеку отведено не так уж много лет, и дней, когда можно побыть с близкими, выпадает совсем мало. Когда выпадает такой шанс, хочется беречь его сильнее всего. Если А-Цзэ нравится, усилия потрачены не зря.

Дельцы всегда говорят то, что от них хотят услышать. Но когда эти сладкие речи адресовались ему, Цзэи почувствовал недомогание. Слегка нахмурившись, он сказал:

— Мы оба ищем выгоду, так к чему эти опусы? Как именно господин Шао предлагает вести дела?

Вэньчжуо подошёл ближе и, слегка наклонившись, заглянул ему прямо в глаза. На его губах играла смутная улыбка:

— Раньше А-Цзэ звал меня просто по имени, за что я постоянно ругал тебя за невоспитанность. Неужели двух лет хватило, чтобы между нами выросла такая стена?

Цзэи опешил.

Помолчав, Вэньчжуо чуть опустил веки и сменил тему:

— Впрочем, вернёмся к делу. Возможно, это прозвучит неожиданно, но я предельно серьёзен. А-Цзэ, ты согласен выйти за меня?

<http://bllate.org/book/20083/1991327>